

Глава 10

На марше

Чернобыльская катастрофа и вправду болезненно ударила по нашим хозяйственным планам. Но затормозить перестройку она не могла. За новым, неизведанным и перспективным пошла вся страна. Горбачев так прямо и заявил во время очередной июльской поездки в Хабаровск: «Перестройку мы будем... делать на марше».

Эта идея возражений в принципе у меня не вызывала: можно и на марше, если не слишком торопиться, если вовремя выверять курс и определить ориентиры — пусть не окончательные, но хотя бы промежуточные. Кто же мог знать заранее, что у нашего вожатого во время марша начнет возникать неодолимое желание то влево свернуть, то вправо... Но пока о том не знал никто, включая, думаю, его самого. Энтузиазм в стране был удивительный, уже никого не устраивала перестройка только в экономике, а тем более в относительно частных вопросах комплексного управления ею. Уже все вокруг рвались перестраиваться, что дало Генеральному право обобщить в том же Хабаровске:

«Нынешняя перестройка охватывает не только экономику, но и все другие стороны общественной жизни: социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партии, всех наших кадров. Перестройка — емкое слово».

Слово и впрямь оказалось весьма емким, а уж звонким — звонче некуда! У нас всегда любили такие слова, писали их где ни попадя, произносили к месту и не к месту. Вот и выходило, что слово нагляднее дела, заметнее, привлекательнее. Марш в таких случаях постепенно превращается в парад, в демонстрацию побед и свершений.

Всегда боялся громких слов и бравурных призывов. Счи-

тал: лучше сделать пусть небольшое, но настоящее дело. Все и без слов видно будет.

Но слова 86 года отвечали моим тогдашним убеждениям. Горбачев настаивал, что означенный марш мы станем осуществлять не за пределами социализма, а в его рамках. Не знаю, кто как, а я твердо верил, что у социалистической экономики потенциал есть, он еще не исчерпан, еще поработает на державу.

Раз уж речь зашла о словах, то напомним, что перестройку в те дни слишком легко уравнивали с революцией, а вот это как раз противоречило моим представлениям и о революции, и о перестройке. В то время я уже много размышлял об этом, на мой взгляд, непродуманном применении слова «революция». Можно ли приравнивать перестройку к революции? Здесь наши взгляды с Горбачевым разошлись.

Вновь и вновь возвращаясь мысленно к термину «революция», я четко определил для себя, что либо происходит умышленная подмена понятий, либо перестройка ведет к какому-то катаклизму. Известно, что революция означает переворот, перерыв постепенности, качественный скачок в эволюционном процессе. Для революции необходима была революционная ситуация. Была ли она в то время? Нет: общество было многим недовольно, жаждало перемен, но ни о переходе к другой социально-экономической системе, ни о каком-либо отказе от социалистических идеалов и целей не было и речи.

Перестройка, на мой взгляд, — дело бесконечное, хотя с высоких трибун то и дело звучало: «Вот когда мы завершим перестройку...» Да как ее можно завершить? А дальше что? Ляжем отдыхать? Не представляю себе заседание совета директоров какой-нибудь корпорации типа «Шелл» или «Дженерал моторс», на котором бы торжественно провозгласили, что предел совершенствования достигнут, лучше быть не может, пора пожинать лавры. Перестройка для меня — синоним не революции, а постоянного прогресса. Прогресс же — процесс поступательный, всегда опирающийся на лучшее из уже достигнутого, на более прочное, на более — в данный конкретный момент — устойчивое. Вот почему и экономические реформы должны были, по моему мнению, идти безостановочно. Нет и не будет одной реформы, которая все решила бы раз и навсегда.

Я всегда был сторонником эволюционных преобразований и, быть может, лучше других знал, к чему, к каким непредсказуемым бедам приводят разрушения в экономике.

К хаосу они приводят, а разве может кто-то предсказать его последствия? Утверждение о сохранении социалистического характера экономики полностью соответствовало здравому смыслу.

На предыдущих страницах книги я уже спорил с утверждением о том, что перестройка началась в апреле 85-го, хотя тогда и слова такого не употреблялось. Повторяю, никакой революции в том апреле не случилось, а что до перестройки, то началась она без шума и аплодисментов в 83-м, при Андропове. Лишь в январе 1987 года она обрела, наконец, постулированную форму.

В этой книге нередко приходится прибегать к цитатам. Вот и сейчас мне придется это сделать, чтобы рассказать дальше о явлении, которое вошло не только в нашу отечественную жизнь, но и в мировое бытие, причем русскоязычным термином «perestroika».

В январе 1987-го состоялся очередной Пленум ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос о перестройке и кадровой политике партии. С докладом выступил Генеральный секретарь. При обсуждении этого доклада на ПБ (я говорил уже, что в то время все принципиальные выступления заранее рассылались и тщательно рассматривались) многие обратили внимание на то, что основной упор делался на вопросы собственно перестройки. Кадровая политика осталась на заднем плане.

Значимость этого Пленума в том, что на нем впервые были сформулированы семь принципов перестройки. Вот они.

«Перестройка — это решительное преодоление застойных процессов, слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества. Главный замысел нашей стратегии — соединить достижения научно-технической революции с плановой экономикой и привести в действие весь потенциал социализма.

Перестройка — это опора на живое творчество масс, это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самостоятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества; это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.

Перестройка — это неуклонное повышение роли интенсивных факторов в развитии советской экономики; восста-

новление и развитие в управлении народным хозяйством ленинских принципов демократического централизма, повсеместное внедрение экономических методов управления, отказ от командования и администрирования, обеспечение перехода всех звеньев экономики на принципы полного хозрасчета и новые формы организации труда и производства, всемерное поощрение новаторства и социалистической предприимчивости.

Перестройка — это решительный поворот к науке, деловое партнерство с ней практики в целях достижения высших конечных результатов, умение поставить любое начинание на солидную научную основу, готовность и горячее желание ученых активно поддерживать курс партии на обновление общества; одновременно это и заботы о развитии науки, росте ее кадров, их активном участии в процессе преобразований.

Перестройка — это приоритетное развитие социальной сферы, все более полное удовлетворение потребностей советских людей в хороших условиях труда, быта, отдыха, образования и медицинского обслуживания; это постоянная забота о духовном богатстве, культуре каждого человека и общества в целом; это способность сочетать решение масштабных, кардинальных проблем жизни общества с решением текущих вопросов, волнующих людей.

Перестройка — это энергичное избавление общества от искажений социалистической морали, последовательное проведение в жизнь принципов социальной справедливости; это единство слова и дела, прав и обязанностей; это возвышение честного высококачественного труда, преодоление уравнилельных тенденций в его оплате, потребительства.

Конечная цель перестройки, думается, ясна — глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя во всех его решающих аспектах — экономическом, социально-политическом и нравственном».

Еще раз обращаю внимание: в январе 87-го сказано! Поэтому словесной мишуры в этих постулатах — с избытком. Все эти «решительные повороты», «полные удовлетворения», «неуклонные повышения», «всемерные поощрения» или «активные участия» — все эти клише перекочевали из еще не перестроившегося трибунного лексикона. Ну, да не в лексике дело. Громкие фразы, призывы и лозунги были всегда в нашем идеологическом арсенале — в большей или

меньшей мере. Они призывали народ к какой-то цели. Сейчас нет ни цели, ни лозунгов, ни идеалов. Не будешь же выкладывать камешками на обочине железной дороги: «Назад к капитализму! Счастливого пути!»

Суть всех семи «постулатов» и сегодня кажется мне абсолютно верной для времени, которое я определил бы словом «Начало». Именно так с заглавной буквы. Уберите эти слова-лозунги и оцените их суть: они и впрямь покажутся действительно прогрессивными по сравнению с до-андроповскими временами.

Один из основных мотивов моей книги — предательство перестройки, и, естественно, у читателя возникает вопрос: что же предано? Преданы идеи перестройки, которые дословно здесь процитированы из материалов уже далекого сейчас Пленума.

Да, были в этих постулатах и внутренние противоречия: плохо представляю, как совместить всегда жесткие принципы демократического централизма с отказом от командования и администрирования. Были попытки заидеологизировать то, что этому не поддается, — «социалистическая предприимчивость». Конечно, в то время мы верили в эту «предприимчивость», то есть активизацию деятельности предприятий и людей в рамках социалистического общественного строя. Есть в тексте доклада свойственная всякому началу робость. Провозглашенная «гласность» еще не развернулась настолько, чтобы отказаться от привычных терминов. Но и нынче, как я уже заявил, подписываюсь под каждым из семи постулатов!

Прошу обратить внимание, что я говорю о перестройке во всех сферах жизни: в политике, экономике, идеологии, культуре. У меня будет еще возможность подробно высказаться по экономическим и идеологическим проблемам перестройки, получившим официальное признание на этом Пленуме. Сейчас же продолжу тему ее политической составляющей.

Доклад вновь поставил передо мной вопрос о трактовке понятия «перестройка»: революционная это ломка или совершенствование созданного? Думаю, что само это слово говорит о его сущности — перестраивать можно только построчное, а не разрушить до основания, а затем...

Наша новейшая история имет, к сожалению, большой опыт разрушения. После революционной бури 17 года лишь голоса некоторых трезвомыслящих лидеров остановили глобальное уничтожение всего и вся. Мы могли лишиться не

только дворцов, усадеб, храмов, библиотек, памятников, но и великих русских писателей — Пушкина, Достоевского и еще многих и многих мыслителей и художников. А разве высылка пароходом в 22 году около двухсот лучших философов, ученых, представителей интеллигенции того времени не обеднила нас? Хорошо, что все больше и больше их возвращается к нам через десятки лет в виде философских и других трудов. Многого, о чем они писали в те далекие годы, оказалось пророческим.

Мне, рассматривавшему перестройку как эволюционный и бесконечный процесс, со своими четкими этапами, приходилось вести частые дискуссии с теми, кто говорил о каком-то сроке перестройки и о возможности ее завершения. Но, оказывается, у архитекторов перестройки, а это звание с удовольствием носили Горбачев и Яковлев, были такие конечные планы. К сожалению, не только я, но и большинство населения страны было обмануто.

Как видит читатель, в каждом пункте постулатов перестройки есть слово «социализм». И, подписываясь под всеми семью принципами, я подписываюсь и под этим словом, под идеями социализма. Но нельзя было однозначно в полной мере отождествлять с этими идеями построенное нами общество, а тем более — характеризовать его как «зрелый», «развитой» и т. д. социализм. Ведь социализм без демократии — это нонсенс. На протяжении веков в мечтах человечества он, социализм, воспринимался именно как общество социальной справедливости, которая непременно включает в себя равные права всех членов общества, что и привлекало к этой идее разум и сердца поколений, определяло политическую волю и практические действия гигантских народных масс. И прав был Ленин, говоря, что «социализм и демократия неотделимы», что «победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию».

За общество социальной справедливости веками боролись лучшие умы человечества, миллионы и миллионы людей гибли в гражданских войнах, тысячи и тысячи — в тюрьмах, на каторге, шли на эшафот. Даже в страшные, трагические сталинские времена обреченные на смерть и мучения считали, что их уничтожают люди, предавшие идеи социализма, его идеалы. И христианская религия, заповеди Моисея — с одной стороны, гонения на верующих — с другой, должны быть зачтены в поиск нового, справедливого общества. Можно ли после этого считать идеи общества

социальной справедливости величайшим заблуждением человечества?

Меня поразили высказывания Папы Римского Иоанна Павла II в интервью 93 года о том, что в марксизме есть «зерно истины». Поразили потому, что вряд ли кто-либо причислит Папу к апологетам социализма и коммунизма. Приведу только отдельные фразы из этой беседы:

«Сторонники разнузданного капитализма в любой форме игнорируют добрые деяния, совершенные при коммунизме: борьбу с безработицей, заботу о бедных».

«Коммунизм заботился о социальной сфере, в то время как капитализм в основном культивировал индивидуализм».

«Я считаю, что истоки многочисленных серьезных общественных и человеческих проблем, над решением которых бьются Европа и весь мир, коренятся в действиях вырождающегося капитализма. Разумеется, нынешний капитализм сильно отличается от капитализма времен Льва XIII. Он изменился, и во многом благодаря социалистической идее... Но в некоторых странах мира капитализм остался в своем «диком» состоянии, почти как в прошлом веке».

Не хочу идеализировать социализм — тот, который был построен. Чрезмерное огосударствление привело к печальным последствиям: резко ослабла, а во многом вообще исчезла личная инициатива; гражданская инертность и пассивность стали неотъемлемой его чертой. Искоренение этих и некоторых других отрицательных явлений в построенном в нашей стране обществе и было, на мой взгляд, одной из основных целей перестройки.

Нужно сказать, что организаторы антисоциалистического переворота и появившиеся в результате него новые российские власти долго таили в секрете свои замыслы. Даже после уничтожения Советского Союза примерно два года наблюдался какой-то непристойный политический блуд. Явно боясь потерять свое политическое влияние, они ни разу, по-моему, не выдавили из себя никакой характеристики своих подлинных целей. Но настало время, и тогдашний главный советник лидера, неистово жестикулируя руками, объяснил нам по телевидению, что мы строим... «переходный период». Сделаем скидку на интеллект советника, умудрившегося родить столь нелепую формулу «строительство... периода». Но как не вспомнить мудрое изречение, что дороги, которые никуда не ведут, заводят дальше всего.

Каждый общественный строй имеет свои признаки, которые характеризуют только его. Возникает вопрос, что же

это за «переходное» общество? Может быть, типа капиталистического «предбанника» или нечто иное, изобретенное этим кандидатом философских наук и специалистом по коммунистическому воспитанию молодежи?

Ну, тут уж не утерпел другой «теоретик» и «практик» разрушения социализма и строительства капитализма в одной, отдельно взятой стране — Е. Гайдар, тоже сбросивший маску правоверного коммуниста:

«Молодой капитализм, который мы строим, никогда не будет прекрасным, упорядоченным и благостным сразу. И новая буржуазия, она сначала будет такой, какая она есть...»

Неужели этому господинчику неизвестно, что даже ООН на своей конференции несколько лет назад признала современный капитализм «тупиковым направлением развития»?

В конце концов в 93 году Президент России собрался с духом и на заседании Конституционного совещания публично заявил, что «мы хотим изменить социально-политический строй страны», другими словами — осуществить реставрацию капитализма.

Но, пожалуй, ближе всего подошел к правильному определению происходящего у нас сегодня не кто-либо из продажных псевдоученых и политических лидеров, а кинорежиссер и писатель Станислав Сергеевич Говорухин, который констатировал:

«В стране происходит криминальная революция. Вернее, она завершается. Победой революции может считаться окончательное построение уголовно-мафиозного государства».

В эту формулу я, правда, вписал бы одно уточнение: скорее, это не революция, а контрреволюция. Но это так, к слову.

Как известно, каждое общество имеет свои цели и соответствующие лозунги. По-видимому, сейчас расстрелянный в октябре 93 года лозунг «Вся власть Советам!» меняется на «Вся власть Мафии!». Даже людям, далеким от вершин власти, видно, что Российское государство имеет крупнейший правоохранительный и репрессивный аппарат. Но у этих же граждан возникает недоумение по поводу его неспособности справиться с охватившей страну преступностью и подавить ее.

Сегодняшние преступники, мафиози всех мастей, далеко ушли от своих предшественников — воров-карманников и домушников. Ныне это — преступные кланы, имеющие четкие организационные структуры. Они диктуют свои порядки, новый стиль жизни. Убивают кого хотят и когда

хотят, превращают представителей государственной власти в жалких марионеток в своих руках и т. д и т. п.

И кажущееся бессилие властей, думаю, объясняется весьма просто: все криминальные нити ведут на «верх». Вот так и замыкается круг. Надо полагать, в известных «чемоданах» бывшего вице-президента были компрометирующие материалы не на уличную шпану. Напрашивается вывод, что предательство перестройки, предательство социалистической идеи практически ведет страну даже не к капиталистической системе и не к постиндустриальному обществу, о котором многие сейчас говорят, а к «переходному», то бишь мафиозно-криминальному.

Вот так сочетание предательского разрушения социалистической системы с крайне радикальными преобразованиями и привело государство к сегодняшнему его состоянию. Надо отдать должное авторам и исполнителям этих идей: они хорошо понимали, когда и что можно им было произвести, каким словесным флером прикрыть свой политический и нравственный блуд. Ведь где бы они были сейчас, удалось ли бы им облапошить 300 миллионов советских людей, а с ними и весь мир, если бы Горбачев с Яковлевым в 1985 году сказали открыто, что они хотят уничтожить Советский Союз и социализм, если бы Ельцин и его присные заявили заранее, что сделают Россию второразрядной державой, а подавляющую часть народа сбросят в пропасть нищеты и фактического бесправия?

Но в то время и я верил в перестройку. Перестройка для меня и была перестройкой, и оставалась ею, а перечисленные постулаты, ее конкретизирующие, заставляли действовать активнее. Именно нас, экономистов, действовать, ибо на девяносто процентов они касались экономической сферы. Горбачев призвал всех к соединению слова и дела. Слова — это по его, по партийной части. Наша задача — наполнить их содержанием.

В стране раскручивалась двенадцатая пятилетка; экономический эксперимент, начатый нами, развивался; на смену старой хозяйственной «гвардии» постепенно приходила новая. Кадры менялись во многих эшелонах руководства народным хозяйством. Все шло по-задуманному, и особых сомнений не возникало. Да и откуда бы им взяться, если, например, национальный доход в 1986 году по сравнению с предыдущим вырос на 4 процента, а прирост промышленного производства составил около 5 процентов, что на треть больше, нежели среднегодовой прирост в одиннадцатой пятилетке.

Понимаю, эти цифры мало что скажут широкому читателю. Но думаю, каждому все же ясно, что, во-первых, народное хозяйство в том году, пусть не гигантскими шагами, но весьма прилично двигалось вперед, а не назад. И, во-вторых, прошу вспомнить, что и магазинные прилавки 86 года, и цены были вполне сопоставимыми со средней зарплатой. И общее настроение в том году — сравнили с нынешним? Верно говорят: ломать — не строить.

Именно поспешность, именно склонность политической власти и сопровождающих ее теоретиков к ненужным и даже вредным импровизациям, отсутствие очередности приоритетов — все это, быстро нарастая, сильнее и сильнее тормозило и искажало развитие экономики, нагромождало перед ней новые и новые трудности.

Впрочем, я об этом только что писал. Слишком наболело, потому и повторяюсь...

В июне 1987 года состоялся Пленум ЦК КПСС по коренной перестройке управления экономикой. Доклад, как всегда, делал Генеральный секретарь. Выделяю Пленум среди многих других только потому, что он подводил итог крупномасштабного экономического эксперимента 1984—1986 годов, начатого еще при Андропове. Пленум положил начало новому этапу реформирования экономики, повсеместному практическому воплощению разработок Совета Министров и его помощников-ученых, экономистов, производственников, руководителей отраслей и республик.

Все предложенные нами идеи легли в основу доклада, который означал по сути финиш теоретического и экспериментального этапа перестройки управления экономикой. Мне не нравилось в названии доклада слово «коренная», ибо корни-то — общественную собственность на средства производства, плановое управление народным хозяйством — как раз мы не рубили. Доклад не ставил под сомнение основанную на них социальную защищенность населения, не содержал каких-то разрушительных задач. Он намечал пути движения вперед, учитывающие новую ситуацию в жизни общества и вместе с тем — весь накопленный им опыт. Просто любовь к громким словам, как я уже писал, у нас неистребима, и их употребляют к месту и не к месту, не задумываясь, соответствуют ли они сути дела. Центральный Комитет партии одобрил нами задуманное и, как в то время повелось, определил, что осуществление перестройки управления экономикой является «общепартийной и общенародной» задачей.

Рассмотрение наших разработок на этом не закончилось — оно продолжилось в том же июне 87-го на сессии Верховного Совета СССР. Здесь доклад делал я и намеренно не употребил слово «коренная» в применении к перестройке управления народным хозяйством. Было подчеркнуто, что предлагаем мы ее лишь для современного этапа экономического развития страны. Подойдем к новому этапу — создадим и иную, более совершенную и приспособленную к нему систему управления экономикой. Верховный Совет поддержал решения партийного Пленума.

Этапы перестройки управления экономикой, спланированные моей командой, рассчитаны были на пять лет. Они тоже были утверждены на этой сессии Верховного Совета. Первый включил в себя скрупулезный просчет удач и, главное, недостатков экономического эксперимента, теоретическое его осмысление. В основном эти разработки были отражены в Законе о госпредприятии и пакете связанных с ним постановлений. Второй этап — практическое осуществление в масштабах всего народного хозяйства разработанного и экспериментально проверенного. Мы рассчитывали, что этот процесс продлится три года. И последний этап — подготовка перехода экономики на рыночные отношения. В нем, полагали мы, тоже должны быть свои этапы, первый из которых совпадал с началом тринадцатой пятилетки.

Итак, я рассказывал о замыслах поэтапного реформирования экономики. За всем этим стоял огромный труд множества людей. Всю первую половину 87 года Совет Министров усиленно работал над подготовкой соответствующих предложений. В Правительстве было организовано несколько групп по созданию этих документов, учитывающих специфику различных областей экономики. Перечень наших предложений, которые затем оформлялись в виде проектов постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, рос по принципу снежного кома. Чем больше мы углублялись в проблемы, тем больше их появлялось.

В конечном итоге было подготовлено одиннадцать постановлений. Начинался их пакет проектом постановления о совершенствовании работы Совета Министров СССР по реализации экономической стратегии и заканчивался проектом постановления о совершенствовании деятельности республиканских органов управления. Двенадцатым, точнее, первым по своей значимости был проект Закона о государственном предприятии.

Мне нет необходимости останавливаться на анализе, задним числом, всех принятых решений. Скажу лишь о том, как их обсуждали. Больше всего споров было по проекту Закона о государственном предприятии. Его многократно обсуждали на Политбюро, над ним много месяцев работали в Правительстве. Именно здесь и проходили главные дискуссии. Спорили министры, директора заводов и организаций, спорили профсоюзы, отделы ЦК. Ни над одним документом до этого так не работал правительственный аппарат, да и глава Правительства тоже. Обсуждалась каждая фраза, взвешивалось каждое слово.

Не меньше споров по этому документу было и с Горбачевым. Я сразу понял, что его рассуждения абстрактны, оторваны от реальной действительности. Он практически предлагал ликвидировать существовавшие механизмы управления народным хозяйством, не создав абсолютно никаких иных!

Вначале я думал, что Горбачев просто не понимает существа вопроса, не знает тонкостей экономической жизни. Но дальнейшие беседы и особенно заседания Политбюро, на которых обсуждались эти проблемы, показали, что он сознательно проводит свою линию. Для меня были очевидны несвоевременность одних предложений и абсурдность других. Но убедить в то время его было уже трудно, он находился в верхней точке своего взлета, после чего, кстати, начался его спуск с политического Олимпа.

Заседания Политбюро проходили бурно, нервно, долго. Иногда дискуссии шли по семь-восемь часов. Трудно было сдерживать реформаторский зуд Генсека. На наши вопросы: как же, не имея новых рычагов управления, можно проводить в жизнь социально-экономическую политику партии, вразумительного ответа мы не получили ни от него, ни от ближайших его единомышленников.

На обсуждениях этих документов стало четко вырисовываться два крыла: одни — реалисты, прошедшие большую производственную школу, знающие жизнь не по лозунгам, и другие — пришедшие к вершине власти по комсомольско-партийным служебным ступенькам. Первые поддерживали предложения Правительства. Вторые подталкивали Генсека к явному развалу экономики. Мы понимали, что, если возобладает точка зрения Горбачева, — экономика начнет рассыпаться. И реформа 1992 года стала ярким подтверждением наших опасений. Идем Горбачева и его единомышленников, которые они навязывали стране в 87

году, были затем взяты на вооружение Шаталиным и Явлинским в 90-м и проведены в жизнь Ельциным и Гайдаром, начиная со 2 января 1992 года.

Хотелось бы еще раз остановиться на региональной стороне реформ, т. е. на соотношении функций регионов и центра в управлении экономикой. В новейшей истории страны были периоды, например, 20-е годы, когда регионы имели сравнительно большую самостоятельность. В 30-е, 40-е и в первой половине 50-х годов централизация экономики по отраслевому принципу была очень высокой. Безусловно, это дало возможность мобилизовать все ресурсы для подготовки обороны страны, выдержать тяжелейшую войну, быстро восстановить разрушенное народное хозяйство. Вместе с тем в более или менее нормальных условиях развития такая степень централизации управления подрывала хозяйственную инициативу на местах, порождала настроения иждивенчества.

В 1957 году неумный реформатор Хрущев, ликвидировав жесткое отраслевое управление народным хозяйством, образовал территориальные органы управления — совнархозы. Основная цель этой существенной перестройки управления экономикой была в том, чтобы в максимальной степени заинтересовать территории в их комплексном развитии. Но эти Советы народного хозяйства просуществовали только восемь лет; то есть в два раза меньше, чем их прародители в 20-х годах.

Такая форма управления тоже имела свои плюсы и минусы. Положительным было то, что оно осуществлялось непосредственно на месте, с учетом реальных условий, конкретной обстановки. И в этом отношении совнархозы имели большие плюсы. Недостатком же была потеря рычагов воздействия на развитие ведущих отраслей народного хозяйства, особенно в научно-техническом отношении. Созданные различные комитеты по основным сферам экономики не имели возможности выполнить эту задачу, так как эти органы кроме рекомендаций ничего дать не могли. Поэтому сразу же после снятия Хрущева со своих постов произошла новая перестройка управления народным хозяйством.

Наступило время резкого усиления отраслевого управления строго по вертикали. Взаимоотношения руководства территориями и Центра держались на партийной дисциплине и осуществлялись, в основном, в рамках исполнения различных партийно-государственных постановлений и решений.

Говоря объективно, и та, и другая системы управления не обеспечивали развитие регионов на экономической основе. Даже совнархозы, работавшие, казалось бы, непосредственно на местах, не решили этой проблемы. И в том, и в другом случае финансы и материальные ресурсы поступали в Москву, а уж затем по различным каналам возвращались обратно. Никакой заинтересованности местных властей в работе предприятий не было, так как регионы не имели отчислений от их деятельности на общерегиональные нужды.

Работая на Уралмаше, я захватил времена и совнархозов, и отраслевого управления. В обоих вариантах завод все запланированные суммы переводил в Москву. И только тогда, когда завод получал от Центра новые ресурсы для своего развития под какие-то государственные задачи, местные власти в связи с этим тоже стремились в максимальной степени решить те или иные региональные вопросы. Это было естественно: раз нет экономического механизма, должен действовать механизм чисто административный. Учитывая все это, мы не могли при разработке экономических реформ обойти вопрос сочетания отраслевого и территориального управления, их сбалансированности.

В общем, летом 87 года основные контуры экономической реформы были очерчены. Безусловно, упор делался на основное экономическое звено — предприятие, его взаимоотношения с государственными органами. Серьезным шагом по пути реформ, как я уже сказал, стала разработка Закона о государственном предприятии. Как вы помните, еще в 1983 году мы потихоньку вступили на путь высвобождения жизнедеятельности первичного звена экономической цепи — предприятия из-под командно-распределительного пресса. Но все это имело характер некой правовой нелегальности.

Нужен был общесоюзный закон, максимально четко определявший права и обязанности предприятия, его место и роль в системе экономики страны, который стал бы основой его хозяйственной самостоятельности и на котором впоследствии можно было бы строить новые рыночные отношения.

Не исключаю, что мне могут не поверить, но уже тогда, в 87-м, мы всерьез думали о повороте экономики на рынок. Однако ни в то время, ни позже мы не считали, что этот поворот на 180 градусов возможно осуществить сразу, вдруг, за пятьсот, например, дней. Причиной неведения в подобные

чудеса было хорошее знание отечественной жизни и экономики страны.

Удачным получился Закон или не очень — сегодня он стал уже просто фактом экономической истории страны, поскольку работать перестал, тем более что и самого его предмета — государственных предприятий — почти уже не существует. Но ведь мы же не оцениваем реформы, скажем, Витте или Столыпина с позиций нынешнего дня. Мы говорим: для своего времени они были прогрессивными. Убежден, что для своего времени Закон о государственном предприятии был прогрессивным. Он на правовой основе обобщил и защитил все то здоровое и передовое, что мы нарабатывали в ходе экономического эксперимента. Закон исходил из идеи оптимального сочетания плановой экономики с экономической самостоятельностью товаропроизводителя. А разве любезный нынешним правителям России капиталистический путь исключает плановость вообще? И сейчас стоят на книжной полке в моем кабинете два томика, подаренные министром экономики, будущим премьер-министром Франции, ныне трагически погибшим, Пьером Береговуа, — сводный пятилетний план экономического развития республики...

Да, бессмысленно и вредно планировать сверху вниз производство всего, до последней гайки. Но не иметь плана вовсе, резко перейти только на горизонтальные, к тому же неотработанные на практике, связи в хозяйстве — значит развалить его, привести к хаосу. Более того, если есть государство, то у него не может не быть проблем, которые и планировать, и решать необходимо на общегосударственном же уровне.

Те два французских томика эту мысль постоянно мне подтверждают. К сожалению, подтверждает ее и нынешнее положение в стране. Управление ее социально-экономическим развитием потеряно. Как здесь не вспомнить мудрые слова: государство — корабль, правительство — парус и руль, народ — ветер, время — море. Но если парус дырявый, а руль заклинило экономической глупостью и политической недалекостью?..

Пожалуй, именно по вопросу роли государства в современной экономике возникали наиболее частые и наиболее жаростные споры во время подготовки проекта Закона и обсуждения его — как в Совмине, в рабочих группах, так и на заседаниях Политбюро.

Ультрарадикалы требовали вообще отказаться от идеи

плана, утверждали, что производители сами быстро во всем разберутся и наладят взаимовыгодные отношения друг с другом. А общегосударственные задачи будут решаться, дескать, сами собой. На Политбюро эту точку зрения отстаивали Яковлев, Медведев, Шварцнадзе, которых поддерживал Горбачев. И нужно сказать, их влияние на Генсека ощутимо возрастало.

Моя позиция, с которой я никогда не сходил, состояла в том, что, как бы ни были привлекательны новации в экономике, их надо проводить в жизнь, тщательно обдумав и всесторонне взвесив. Ведь дело-то имеем с огромной, разбросанной от Карпат до Сахалина страной. Меня поддерживала часть членов Политбюро: Слюньков, Зайков, Воротников, Никонов и другие.

Я опирался также на большой практический опыт директоров предприятий и объединений, постоянно участвовавших в работе наших групп по подготовке проекта Закона. Их мнение было далеко не однозначно. С одной стороны, они требовали полной свободы во всем, что касается их собственного производства, реализации товара, распределения прибыли, а с другой — настаивали на сохранении системы централизованного обеспечения ресурсами, капиталовложениями.

И я хорошо представлял себе, как же им всем тяжело будет напрямую договариваться друг с другом. Пожалуй, только теперь, через много лет, прямые связи между предприятиями с большими трудностями налаживаются. Но при этом из знаменитой политико-экономической формулы «товар — деньги — товар» пока безнадежно выпала середина: в прямых связях царит вульгарный бартер. Но о каком же оздоровлении экономики, ее нормальном функционировании в конце XX века может идти речь, если разрушен, бездействует или, еще хуже, приобретает разрушительные свойства ее финансовый механизм? Никакой буйной фантазии ни у меня, ни у моих соратников не хватило на то, чтобы предвидеть такой разгром экономики, при котором зарплату на предприятиях станут выдавать натурой — чайниками, стаканами, гвоздями, перчатками, телевизорами «на троих» и прочим, и прочим.

После одного из жарких, яростных, бесконечно длинных, до ругани доходивших заседаний ПБ я попросил Горбачева встретиться один на один. Спустя несколько дней такая встреча состоялась. Она тоже была чрезмерно напряженной — словно продолжение общего заседания.

— Михаил Сергеевич, — говорил я, — почему вы не верите людям, которые прошли долгую и трудную школу народного хозяйства? Снизу доверху прошли. Вы что же, считаете, что мы, практики, действительно консерваторы, а те, кто знают жизнь лишь по учебникам и являются радикалами от экономики, способны открыть перед ней новые горизонты?

Горбачев уходил от прямого ответа.

Пожалуй, именно в эти дни наши с Генеральным острые разногласия по проблемам экономики проявились особенно явно и зримо. Шел же, напомним, еще только 1987 год.

Трещины в наших отношениях появились, а законы развития трещин хорошо известны. И тот разговор наедине разногласий не снял, лишь привел к компромиссным решениям. Одно из них — появление идеи государственного заказа. То есть все планирование отдавалось на откуп предприятию, а госзаказ гарантировал централизованные капитальные вложения, поставку некоторой продукции, ввод в действие производственных мощностей и так далее.

Когда Закон был опубликован, криков раздавалось немало: мол, централизованный план заменили жестким госзаказом. А журналисты в свойственной им манере немедленно стали дружно скандировать: «Госзаказ — госприказ!» Может быть, и вправду мы поступили чересчур жестко, но почему же тогда, начиная с 88 года, чуть ли не все предприятия в голос требовали увеличить госзаказ, хотя их права и свободы последовательно расширялись? Да все по той же причине: невероятно трудно оказалось переходить с жесткой распределительной системы, введенной в стране еще в 30-е годы, на прямые нерегулируемые связи. Такого опыта это поколение руководителей просто не имело.

К сожалению, в Законе были недостатки, которые проявились со временем. Считаю, ошиблись мы в том, что однозначно решили вопрос о выборности руководителей предприятий. Думали: раз предприятия сами составляют свои планы, сами распоряжаются прибылью, то общая и ясная цель приведет коллективы к правильному выбору своих руководителей. На эти посты придут люди инициативные, энергичные, молодые. Увы, далеко не везде так вышло! Если цель «больше заработать» и нашла своих горячих приверженцев, то ее неперемнная составляющая «лучше работать» почему-то не считалась неперменной. Вот и попадали в директора люди случайные, про которых на

предприятиях знали: свои, не обидят. Но это — не главное качество руководителя.

Оглядываясь назад, полагаю, что всесоюзная кампания по выборам руководителей предприятий и объединений стала своеобразной репетицией грядущих кампаний по выборам народных депутатов всех рангов и категорий. Побеждали чаще всего не деловые, а говорливые, не реалистичные, а умеющие красиво и много наобещать, не профессионалы, а популисты. И тем не менее, этот горький опыт пригодился позже, когда в нашей экономике появились другие формы собственности: акционерная, коллективная, смешанная и пр. Там самой природой собственности предусмотрены выборы руководителей.

В принятом же Законе было лишь две формы собственности: государственная и кооперативная. Хотя и тогда было всем известно, что кооперативная чаще всего фактически тоже является государственной. Что же до иных форм собственности — акционерной, коллективной, частной, наконец, так о них тогда и речь не могла идти. Не забуду: когда обсуждался на ПБ один из вариантов Закона, умудренный жизненным опытом А. А. Громыко в своих замечаниях делал особый упор на соответствие форм собственности Конституции СССР. И на первой странице Закона явно прослеживается результат этого его выступления.

Неточно и даже невнятно были определены функции советов трудовых коллективов. Эти советы с первых же шагов начали подменять профсоюзные структуры, а кое-где и администрацию... Все пришлось поправлять потом, издавать традиционные для нас подзаконные акты.

И все-таки Закон не мог не ломать установившихся устоев. Одним из таких покушений на них было введение статьи о том, что деятельность убыточного предприятия может быть прекращена. О какой самоокупаемости, о каком самофинансировании (крохотные ростки рыночной структуры!) могла идти речь, если предприятие в любом случае будет жить, независимо от результатов своей работы?

Одновременно с Законом, как я уже говорил, мы подготовили пакет постановлений ЦК и Совмина, которые дополняли и расширяли этот документ. Здесь было постановление о перестройке планирования и повышении роли Госплана, о роли Госкомитета по науке и технике в управлении научно-техническим прогрессом, о деятельности Госснаба в новых условиях хозяйствования, о новой роли Министерства финансов, о перестройке системы ценообразования, о совершенствовании си-

стемы банков в стране, о статистике, о республиканских органах управления, о работе Госкомтруда...

Все эти постановления тоже были одобрены Пленумом. Как и Закон, для своего времени все они были весьма прогрессивными, и из-за некоторых мне не раз приходилось вступать в бой. Например, создание в стране сети банков (вся сеть-то тогда — шесть банков) вызвало мощный протест Госбанка СССР и его высоких покровителей, которые не могли понять, почему необходимо нарушать государственную банковскую монополию. Споря с ними, особенно с самими банкирами, я говорил, что этот шаг — первый, что по дороге к рынку им придется пережить появление десятков, а то и сотен банков. Выдержать, если сумеют, острейшую конкуренцию.

Честное слово, я и не представлял тогда, что буду близок к истине не только в предсказании количества грядущих конкурентов, в этом-то я как раз не сомневался, но и в определении остроты конкуренции. Когда я пишу эти строки, только в России зарегистрировано более двух тысяч различных негосударственных банков. А острота конкуренции наглядно видна каждый день на экранах телевизоров: самая агрессивная реклама — банковская.

И еще: одно из постановлений — о совершенствовании деятельности республиканских органов управления — нарушало просуществовавший долгие годы жесткий отраслевой принцип управления народным хозяйством, передавая многие функции Центра на места. В республики переходило управление отраслями, работающими непосредственно на социальную сферу: легкой промышленностью, агропромышленным комплексом, строительством.

Законом о госпредприятии и пакетом постановлений были подведены, повторю, итоги первого этапа экономических реформ и открывались пути ко второму. В реформировании экономики, как нигде, необходимы последовательность и поэтапная оценка результатов. А для этого нужны время и умение ждать. Увы, как раз умение ждать — редкое нынче умение. Сегодняшние суперреформаторы спешат: скорей, скорей, скорей! И все пророки клятвенно обещают: мой способ спасения — самый радикальный, самый лучший, самый быстрый. И уж, конечно, единственно верный.

Но и меня могут спросить, а сами-то что предлагаете?

Оглядеться предлагаю. Подумать как следует. Разумно и без метаний двигаться вперед. Так и тогда предлагал — дело ведь касалось экономики великой державы.